

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кафедра английского языка и методики преподавания

**Репрезентация концепта «Дружба» в романе
Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!»**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Иностранный язык (первый, второй)
очной формы обучения, группы 02051204
Сосула Инессы Юрьевны

Научный руководитель:
к.ф.н., доцент
Трубаева Е.И.

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Теоретические предпосылки функционирования термина «концепт» как объекта лингвистического исследования	6
1.1. Понятие «концепт» в лингвокультурологии.....	6
1.2. Основные подходы к исследованию концепта.....	10
1.3. Структурная организация концепта.....	19
Выводы по ГЛАВЕ I	25
ГЛАВА II. Практическое исследование средств передачи концепта «Дружба» (friendship) в романе Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!»	28
2.1. Концепт «Дружба» в английском языковом пространстве.....	28
2.2. Особенности репрезентации концепта «Дружба» в романе Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!».....	34
2.2.1. Дружба – сходство.....	36
2.2.2. Дружба – открытость.....	38
2.2.3. Дружба – братство.....	39
2.2.4. Дружба – поддержка.....	41
2.2.5. Дружба – готовность помочь.....	44
2.2.6. Дружба – любовь.....	46
2.2.7. Дружба – общение с людьми, которые тебе приятны.....	49
2.2.8. Вражда – отношение противоположное дружбе.....	55
Выводы по ГЛАВЕ II	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	59
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	62
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	66
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	67

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время много внимания притягивает к себе проблема определения термина «концепт», так как он покрывает несколько областей научного знания, и в связи с этим, вызывает повышенный интерес психологов, философов, лингвистов и лингвокультурологов. Следует отметить, что в настоящее время при всей ценности данных исследований проблема взаимоотношения языка и культуры не утратила своей актуальности.

Актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью теории вербализации процессов концептуализации и категоризации культурного знания, а также методов, принципов и приёмов описания понятия «концепт».

Ключевыми в любом языковом пространстве являются концепты, которые определяют суть человеческих взаимоотношений, к ним относится и концепт «Дружба», отражающий сложную систему духовно-нравственного и морально-этического измерений картины мира и внутренней, духовной жизни личности.

Объектом исследования является концепт «Дружба», реализуемый на уровне текстовой репрезентации в произведении «Прощай, оружие!».

Предметом исследования выступают лингвокультурологические особенности актуализации концепта «Дружба» в произведения Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!».

Цель данной работы заключается в исследовании языковых способов репрезентации концепта «Дружба» в романе Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!», а также в установлении содержания лексемы «дружба» посредством изучения англоязычных толковых и фразеологических словарей.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) раскрыть содержание понятия «концепт»;
- 2) выявить основные подходы к исследованию концепта;
- 3) изучить структурную организацию концепта;
- 4) исследовать способы репрезентации концепта «Дружба» в английском языковом пространстве;
- 5) выявить особенности репрезентации концепта «Дружба» в романе Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!».

Теоретико-методологическую основу исследования составляют:

- в лингвистической семиотике: работы Н.Д. Арутюновой, Д.С. Лихачева, В.В. Колесова, В.Н. Телии и др.;
- в лингвистике текста и дискурса: работы В.И. Карасика, А.А. Кибрика, Е.С. Кубряковой, Т.А. Van Dijk и др.;
- в когнитивной теории концептуализации: работы Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой, О.Н. Прохоровой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Talmy L., Toward A. и др.;
- в культурологической теории концептуализации: работы А.С. Вежбицкой, Ю.С. Степанова, Г.Г. Слышкина и др.

Фактическим материалом для исследования послужили языковые единицы и конструкции, которые являются средством объективации концепта «Дружба», отобранные методом сплошной выборки из произведения Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!», общее число контекстов составляет 118; а также дефиниции лексемы «дружба», зафиксированные в этимологических, культурологических и толковых словарях английского языка.

Материал исследования изучается на основании применения следующих **методов**:

Теоретические методы: анализ литературы по исследуемой проблеме; обобщение, конкретизация, классификация, сравнение исследовательских явлений.

Эмпирические методы: сравнительно-сопоставительный анализ; дистрибутивный.

Статистический метод: для определения частоты использования той или иной языковой единицы.

Метод сплошной выборки: для подбора языковых примеров.

Методы лингвистического анализа: дефиниционный анализ; этимологический анализ; концептуальный анализ: анализ синонимов и дериватов ключевого слова; анализ сочетаемости ключевого слова; анализ текста художественного дискурса.

Структура и содержание работы определены составом решаемых проблем и поставленных задач. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей, списка источников фактического материала.

ГЛАВА I. Теоретические предпосылки функционирования термина «концепт» как объекта лингвистического исследования

1.1. Понятие «концепт» в лингвокультурологии

Во второй половине 20 века появляется новая наука — лингвокультурология, которая занимается выявлением способов кодирования культуры посредством языка и объясняет, какую культурную информацию несут те или иные языковые явления. В связи с этим, появилось большое количество фундаментальных работ, в которых посредством анализа языковых фактов, были сделаны важные теоретические обобщения и предложены оригинальные методы описания языкового материала.

Существует множество разнообразных определений термина «концепт», что приводит к разногласиям среди исследователей этого понятия. Слово «концепт» является калькой с латинского “conceptus” – «понятие». Оно произошло от глагола “concipere” – «зачинать», т.е. «зачатие».

В английских словарях “концепт” — идея, лежащая в основе целого класса вещей, общепринятое мнение, точка зрения (general notion). В словаре Лонгмана «концепт» определяется как чья-то идея о том, как что-то сделано из чего-то или как оно должно быть сделано (“someone’s idea of how something is, or should be done”) (Лонгман, 2010: 182).

В дефинициях англоязычных лексикографических источниках возникает указание на некое мыслящее лицо, деятеля, обладателя некой идеи и точки зрения. Однако, не смотря на абстрактность и обобщенность этого «некто», понятие «концепт» включает в себя потенциальную субъективность.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время понятие концепта является достаточно разработанным и в российской лингвистике и культурологии, однако в разных направлениях этот термин приобретает различное наполнение и содержание.

Следует отметить, что часто «концепт» употребляется в качестве синонима «понятия», хотя термин «понятие» употребляется в логике и философии, а «концепт», являясь термином математической логики, закрепился также в лингвистике и культурологии.

Научное понятие «концепт» в последнее время становится одной из центральных междисциплинарных категорий в гуманитарном знании, а его интерпретация напрямую связана с дисциплиной, объектом которой он становится. В лингвокультурологии название концептов получили смыслы, которыми оперирует человек в своей мыслительной деятельности, отражающие его опыт и знание, хранящиеся в сознании в виде особых ментальных структур.

В область современного гуманитарного знания едва ли не первым слово «концепт» вводит русский мыслитель С.А. Аскольдов, согласно которому концепт представляет собой мысленное образование, и замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода (Зинченко, Зусман, Кирнозе, 2004: 85).

В рамках когнитивной лингвистики под концептами понимаются оперативные содержательные единицы памяти и ментального лексикона, которые отражаются в человеческой психике (Зинченко, Зусман, Кирнозе, 2004: 87).

З.Д. Попова, И.А. Стернин определяют концепт как некую идеальную сущность, глобальную мыслительную единицу, которая представляет собой квант структурированного знания и формируется в сознании человека из его предметной деятельности, посредством непосредственных операций человека с предметами. Кроме того, они считают, что концепт также формируется из мыслительных операций человека с другими, уже

существующими в его сознании концептами, и именно такие операции приводят к возникновению новых концептов (Зинченко, Зусман, Кирнозе, 2004: 48).

Необходимо отметить, что для эффективного формирования концепта мало одного лишь языка, необходимым условием является привлечение чувственного опыта, наличие наглядности и предметной деятельности. Только совокупность разных видов восприятия формирует полноценный концепт в сознании человека. Язык, таким образом, является далеко не единственным способом формирования концептов в сознании человека, а лишь одним из способов.

У Н.Н. Болдырева концепт – «элемент сознания, автономный от языка, фиксированный в сознании смысл» (Болдырев, 2004: 61).

Приведем несколько наиболее распространенных определений понятия «концепт»:

Н.Ю. Шведова понимает под концептом содержательную сторону словесного знака, за которой стоит понятие, которое принадлежит умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека (Шведова, 2005: 27).

М.В. Пименова считает, что концепт – представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, которое имеет сложную структуру. Эта структура выражается разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами (Пименова, 2004: 10).

Согласно Н.Н. Болдыреву, концепты представляют собой идеальные, абстрагированные единицы, смыслами которых человек оперирует в процессе мышления. Н.Н. Болдырев полагает, что человек мыслит концептами, они отражают содержание полученных знаний, опыта, результаты всей деятельности человека и результаты познания им окружающего, которые представляют собой особые единицы, так называемые «кванты знания» (Болдырев, 2002: 23-24).

В.А. Маслова перечисляет следующие инвариантные признаки концепта:

- минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, которая вербализуется с помощью слова и имеет полевую структуру;
- основные единицы обработки, хранения и передачи знаний;
- концепт имеет подвижные границы и конкретные функции;
- концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику;
- концепт является основной ячейкой культуры (Маслова, 2001: 51).

Концепты возникают в сознании человека не только на основе словарных значений слов, большое значение при возникновении концептов играет личный, народный и культурно-исторический опыт. Чем богаче этот опыт, тем шире границы концепта и больше возможности для возникновения эмоциональной ауры слова, в которой находят свое отражение все стороны концепта (Лихачев, 2003: 78).

Концептуальный взгляд на мир зарождается и формируется в недрах человеческого сознания, крайне важно проследить зарождение этого взгляда в коллективном сознании, определить в связи с этим в пространстве термина «концепт» место и роль мировоззренческой культурной позиции, менталитета. Значимость этих компонентов заключается в том, что языковая личность является носителем языковой, а, следовательно, и социокультурной ментальности.

Концепт – универсальный феномен, поэтому его использование помогает установить особенности национальной картины мира, так как концепт является основной ячейкой культуры в ментальном мире человека. Изучение концептов в культурологическом аспекте, представляется чрезвычайно важным для раскрытия их содержания (Лихачев, 2003: 84-93).

В культурологии концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека. Согласно Ю.С. Степанову «концепт» определяется как сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, в то же время, концепт – то, посредством чего

человек входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее (Степанов, 2001: 43). Концепты не только мыслятся, они переживаются, являясь предметами эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений.

Таким образом, способы интерпретации термина «концепт» зависят от той науки, в рамках которой он рассматривается, в связи с этим на данный момент нет единого определения концепта.

1.2. Основные подходы к исследованию концепта

Анализируя приведенные определения, можно прийти к выводу, что исследователи не пришли к единому пониманию термина «концепт», так как он покрывает предметные области нескольких научных направлений. В современной лингвистике можно выделить три основных подхода к пониманию концепта: лингвистический, когнитивный, культурологический.

Представителями лингвистического подхода к определению понятия «концепт» являются С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев, В.В. Колесов, В.Н. Телия. С.А. Аскольдов одним из самых существенных признаков концепта называет его заместительную функцию и полагает, что концепт представляет собой мысленное образование, которое замещает человеку в процессе мышления неопределенное множество предметов одного и того же рода. С.А. Аскольдов усматривает в концепте общность и не отождествляет его с индивидуальным представлением (Аскольдов, 2009: 278).

Д.С. Лихачев считает, что концепт существует для каждого словарного значения, и предлагает рассматривать концепт как алгебраическое выражение значения. В целом, представители данного направления понимают под концептом весь потенциал слова, денотативное значение вместе с его коннотативным элементом (Лихачев, 2003: 73).

К явлениям ментального характера концепт относят приверженцы когнитивного подхода к исследованию его сущности. З.Д. Попова и И.А. Стернин и другие представители воронежской научной школы, считают, что концепт следует относить к мыслительным явлениям и определяют его как глобальную мыслительную единицу, «квант структурированного знания».

Определение концепта, данное Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянковым, Ю.Г. Панкрац, Л.Г.Лузиной в «Кратком словаре когнитивных терминов» трактует концепт, прежде всего как «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона» (Кубрякова, 2004: 14).

Согласно когнитивно-ориентированному подходу концепт трактуется, как определенным образом организованный формат знания о мире, когнитивная модель, посредством которой осуществляется познавательная деятельность этноса, социума, индивидуума в естественном языке. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления, которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира (Кубрякова, 2004: 12).

Существует необходимость разграничения понятия «концепт» в когнитивном понимании от близкой к нему по объему и содержанию научной категории «логическое понятие». Концепт, в отличие от абстрактного логического понятия, представляет собой представление, выходящее за рамки логики, именно поэтому он может иметь такие невозможные для логического понятия свойства, как образность, оценочность, субъективность, расплывчатость семантики и т.д.

Представители культурологического подхода при рассмотрении концепта большое внимание уделяют культурологическому аспекту. По их мнению, вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними, концепт трактуется ими как основная ячейка культуры в ментальном мире человека. Этому взгляда придерживаются Ю.С.Степанов,

Г.Г. Слышкин, которые убеждены, что при рассмотрении различных сторон концепта, особое внимание должно быть обращено на важность культурной информации, которую он передает (Слышкин, 2004: 58).

Ю.С. Степанов считает, что в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология), которая сжата до основных признаков содержания, его история, современные ассоциации, оценки и т.д. Ученый признает концепт базовой единицей культуры, ее концентратом (Степанов, 2003: 41).

Известно, что в каждом языке есть слова, обозначающие культурные реалии, специфические явления культуры, не имеющие семантических эквивалентов в других языках. А.С. Вежбицкая предлагает интересный способ интерпретации таких слов на другие языки, с помощью использования особого разработанного ею «Естественного Семантического Метаязыка» (ЕСМ).

ЕСМ – определенный набор фундаментальных врожденных человеческих концептов («я», «ты», «нечто», «хорошо», «плохо», «видеть», «хотеть», «ходить», «мало», «много» и др.). Каждый из фундаментальных концептов способен генерировать другие концепты. Элементарные смыслы, из которых складывается ЕСМ, называются семантическими примитивами. Они могут быть вербализуемы посредством любого языка, являются самопонятными и неразложимыми. А. Вежбицкая считает, что именно такой, независимый от какого-либо конкретного языка метаязык, необходимо использовать для описания и сравнения всех языков и культур, так как без него, люди неизбежно будут описывать другие культуры и языки через призму своего собственного языка, т.е. будут обречены на этноцентризм (Вежбицкая, 2001:43).

Лингвокультурология изучает процессы становления, развития, функционирования сознания в культурно-историческом аспекте, поэтому признаки, являющиеся базовыми для когнитивного подхода к изучению концепта, для лингвокультурологии оказываются несущественными.

Релевантными для неё являются инвариантность, содержательное наполнение концепта (концепт отражает результаты человеческой деятельности). Большинство из исследователей сходятся во мнении, что концепт в лингвокультурологическом понимании выступает как своего рода «культурная память» слова, выражающая систему духовных ориентиров носителей языка.

Существует множество синкретичных теорий концепта, совмещающих постулаты когнитологии и лингвокультурологии. Такой подход к концепту обосновывается в трудах С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачёва, Н.Ф. Алефиренко, О.Д. Вишняковой, С.Г. Воркачёва, Л.А. Манерко, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Т.А. Фесенко и др.

Различные подходы к трактовке термина отражают двустороннюю природу понятия «концепт»:

- когнитивное направление отражает содержательную сторону знака, представленную в ментальности;
- лингвистическое и культурологическое направления отражают значение языкового знака.

Структура концепта определяется как триединство универсального, культурного и субкультурного компонентов. Структура лингвокультурного концепта приведена в табл. 1.

Структура концепта

Таблица 1

Универсальный компонент	Преимущественно научные и обыденные понятия. Культурные установки, стереотипы и идеологемы, отражающие общечеловеческие ценности.
Культурный компонент	Представления и обыденные понятия. Культурные установки, идеологемы и стереотипы, отражающие ценности лингвокультурной общности.

Субкультурные компоненты	Обыденные понятия, представления, стереотипы и культурные установки, ориентированные на ценности социумов.
--------------------------	--

Составляющие концепта находят свою репрезентацию в семантике языковых единиц.

Необходимо отметить, что подобное разделение трактовок понятия «концепт» условно, все вышеприведенные точки зрения не противопоставлены друг другу, а связаны между собой. Так, когнитивный и культурологический подходы к пониманию концепта, не являются взаимоисключающими, они различаются векторами по отношению к носителю языка. Когнитивный подход к концепту предполагает направление от индивидуального сознания к культуре, а культурологический подход предусматривает направление от культуры к индивидуальному сознанию (Алефиренко, 2003: 84).

Соотношение концепта и понятия также поднимает ряд вопросов, хотя еще недавно они воспринимались как эквивалентные термины. В научном языке эти два слова иногда выступают как синонимы, но в последнее время предпринимаются попытки по их разграничению. Считается, что концепт и понятие являются терминами разных наук, поскольку «понятие» употребляется главным образом в логике и философии, а «концепт», изначально являясь термином математической логики, в последнее время все чаще употребляется в лингвистике и культурологии (Карасик, 2004: 9).

Слово и концепт материализуются в одном и том же звуковом и буквенном комплексе, и это обстоятельство порождает дополнительную научную интригу, обуславливая целый ряд вопросов. Одно из самых существенных различий слова и концепта связано с их внутренним содержанием. Внутреннее содержание слова составляет совокупность его лексико-семантических вариантов, экспрессивная, эмоциональная,

стилистическая окрашенность и оценочность. Внутреннее содержание концепта представляет собой совокупность смыслов, организация которых существенно отличается от структуризации сем и лексико-семантических вариантов слова (Никитин, 2004: 56).

Другим свойством концепта, отличающим его от слова, является его антиномичность, под которой традиционно понимается сочетание двух взаимопротиворечащих суждений об одном и том же объекте, каждое из которых истинно относительно этого объекта и допускает одинаково убедительное логическое обоснование.

В формировании концептов большую роль играет субъектное начало, что нехарактерно для слова. Субъектный фактор выполняет в концепте нестандартную функцию, являясь одним из импульсов изменения концепта, придает концепту еще одну отличительную черту – динамичность. Концепт по сравнению со словом представляет собой явление более стремительно меняющееся, более динамичное. Концепт расширяет значение слова, оставляя возможности для домысливания, фантазирования, создания эмоциональной ауры слова (Колесов, 2007: 95).

Понятие (логически-конструируемый концепт) – концепт, который отражает наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления. Структура представления знаний, лишенная фактора образности; такой концепт состоит из наиболее общих, существенных характеристик предмета (птица, фрукт).

Н.Н. Болдырев полагает, что по своему содержанию концепты делятся на структуры представления знаний: мыслительные картинки, схемы, фреймы, сценарии, гештальты, между которыми сложно провести четкие границы. В данной классификации концепт представлен как родовой термин, имеющий большую степень обобщенности по сравнению с его разновидностями.

Мыслительная картинка (представление) – совокупность образов в коллективном, национальном или индивидуальном сознании людей.

Концепт-схема является собой некую пространственно-графическую схему, его легко нарисовать (дерево, река).

Концепт-фрейм – статический мыслительный образ стереотипной ситуации. Это мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении. (ресторан, магазин).

Концепт-сценарий (скрипт) носит сюжетный характер, это четкая последовательность эпизодов во времени (посещение театра, поездка на метро). Сценарий — тот же фрейм, но отражающий денотативную ситуацию в движении, развитии, в последовательном разворачивании ее элементов во времени и пространстве, представляет собой последовательность нескольких эпизодов во времени. Фактически это фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов.

Концепт-инсайт – воплощает внезапное понимание, схватывание тех или иных отношений и структуры ситуаций в целом, это – «упакованная» в слове информация о конструкции, внутреннем устройстве или функциональной предназначенности предмета.

Гештальт – упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании человека сложная ментальная структура; целостный образ, включающий чувственные и рациональные элементы, а также динамичные и статичные аспекты объекта/явления. В гештальт могут входить представления, фреймы, сценарии и т.д.

Калейдоскопические концепты – концепты абстрактных номинаций («красота», «совесть»), за которыми не закреплено постоянного ментального образа. Они также могут быть представлены одной из перечисленных структур. Разнообразие типов концептов обусловлено фактом неоднородности окружающего мира (Болдырев, 2002: 82-86).

А.Я. Гуревич разделяет лингвокультурные концепты на *философские категории*, которые он называет универсальными категориями культуры

(«время», «пространство», «причина», «изменение», «движение»), и *социальные категории*, так называемые *культурные категории* («свобода», «право», «справедливость», «труд», «богатство», «собственность») (цит. по Кубряковой, 2008: 52).

Совокупность концептов в индивидуальном и коллективном сознании образует концептосферу. Д.С. Лихачев под *концептосферой* понимал совокупность потенциалов, содержащихся в словарном запасе как всего языка в целом, так и отдельного человека (Лихачев, 2003: 85).

В зависимости от степени общности мы можем говорить о концептосфере всего человечества, какого-либо этноса, отдельной социальной, политической или культурной группы, а также индивидуума.

Концептосфера этноса, или *национальная концептосфера* представляет собой концептуальную сферу, в которой живёт любой национальный язык. Она выступает, по сути, концептосферой национальной культуры, так как язык, сам по себе, является сгущенным и концентрированным воплощением совокупной культуры этноса. Концептосфера этноса содержит определенную совокупность концептов, которые выступают в роли своего рода «ключей» к осознанию культуры данного этноса. Несмотря на то, что не все, что содержится в национальной концептосфере, обязательно имеет языковое выражение, исследование ключевых концептов национальной концептосферы дает возможность получить объективные свидетельства специфики мировоззрения этноса.

С точки зрения тематики концепты образуют эмоциональную, образовательную, текстовую и другие концептосферы. Также выделяют концептосферы определенной социальной группой людей (писателей, поэтов, ученых), которые состоят из коллективных концептов.

Кроме того, каждый человек обладает индивидуальной совокупностью концептов. *Индивидуальные концепты*, являясь принадлежностью отдельного человека, оригинальнее и разнообразнее коллективных, так как

могут содержать неожиданные ассоциации, не разделяемые более широкой социальной группой (Слышкин, 2004: 19).

Общность языка поддерживается и сохраняется благодаря существованию единой для всего народа концептосферы, которая служит основой для общения между членами одного языкового коллектива. Многогранность концептосферы национального языка определяется богатством культуры нации: литературой, фольклором, наукой, изобразительным искусством, религией. (Бабушкин, 2006: 42).

Анализ результатов исследований показывает, насколько разнообразны принципы определения типов концептов:

1) По степени конкретности – абстрактности содержания: конкретные и абстрактные;

2) По номинированности в языке: номинированные/неноминированные (лакунарные) (Попова, Стернин, 2003);

3) По степени устойчивости: устойчивые/неустойчивые (Попова, 2001).

4) По частоте и регулярности актуализации: актуальные/неактуальные (Попова, Стернин, 2003).

5) По способу языкового выражения: лексическо-фразеологические, текстовые (вербализуемые целым текстом), грамматические, синтаксические;

6) По номинативной плотности: одиночные или единичные, парные («семантические дублиеты», антонимичные), групповые (синонимичные).

7) По степени стандартизации: универсальные (инвариантные); общенациональные (этнические), групповые (принадлежащие социальной, возрастной, половой и другим группам), личные (индивидуальные) (Залевская, 2001);

8) По сфере употребления: научные, художественные, быденные;

9) По содержанию и степени абстракции: передающие конкретно-чувственный образ, представление (мыслительная картинка), схема, понятие, прототип, пропозиция, фрейм, сценарий (скрипт), инсайт, гештальт (Болдырев, 2002).

10) По структуре: простые (одноуровневые), сложные (многоуровневые), сегментные (Стернин, 2001), калейдоскопические (Бабушкин, 2006) и композитивные (Евтушенко, 2009).

Таким образом, в современной гуманитарной науке существует несколько подходов к изучению концепта, к которым относятся: когнитивный, лингвистический, культурологический. Каждый из этих подходов раскрывает сущность концепта с одной из его сторон, поэтому в данной работе мы будем использовать термин лингвокультурологического подхода, который, на наш взгляд, является наиболее синкретичным.

1.3. Структурная организация концепта

К настоящему моменту в лингвокультурологии сложилось несколько подходов к выявлению структуры концепта, каждый из которых основывается на положении о том, что как структурная единица концептуальной системы, концепт репрезентируется семантическими структурами различного уровня сложности и абстрактности, имеет свои «представительства» в лексической системе языка. Многослойность лингвоконцепта проявляется в присутствии в его структуре нескольких качественно отличных составляющих (слоев, компонентов, уровней измерений, и пр.), и мнения исследователей расходятся здесь лишь относительно их характера и количества.

Наиболее известные в настоящее время подходы к выявлению структуры концепта, лежащие в основе целого ряда современных исследований, принадлежат В.И. Карасику, В.В. Колесову, Г.Г. Слышкину, Ю.С. Степанову, И.А. Стернину.

Оригинальная концепция структуры лингвокультурного концепта принадлежит Г.Г. Слышкину который предлагает *ассоциативную модель*

концепта, исходя из того, что последний функционирует как процесс появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами, непрерывной номинации и реноминации объектов. Номинативная плотность концепта в рамках данного подхода является основной характеристикой *интразоны* концепта–совокупности входящих в концепт ассоциаций, а метафорическая диффузность – его *экстразоны*, которая представляет собой совокупность исходящих ассоциаций (Слышкин, 2004: 51–67).

Широко известна трактовка структуры концепта Ю.С. Степанова, которую можно назвать *диахронической*, в его рамках структура концепта рассматривается в процессе ее эволюционирования в рамках культуры. Степанов считает, что концепт имеет многослойную структуру и выделяет следующие признаки концепта:

- 1) основной признак, «актуальный слой» концепта, в котором концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения;
- 2) дополнительный признак, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, которые являются уже неактуальными, «историческими», и актуализируются при общении людей лишь некоторых социальных групп;
- 3) «буквальный смысл» или внутренняя форма, которая обычно не осознается, она запечатлена во внешней, словесной форме, или этимологический признак, который наиболее удален в историю (Степанов, 2003: 112).

По мнению В.В. Колесова, смысловое единство концепта обеспечивается последовательностью его «проявления в виде образа, понятия и символа», где *образ* представляет собой психологическую основу знака, *понятие* отражает логические функции сознания, а *символ* – общекультурный компонент словесного знака (Колесов, 2002: 42).

И.А. Стернин и З.Д. Попова предлагают *полевую модель* концепта, в которой авторы предлагают допустить, что концепт имеет *многослойную*

организацию, которая может быть выявлена через анализ языковых средств ее репрезентации. По мнению авторов подхода, концепт может получить полевое описание в терминах *ядра и периферии*. К *ядру* относятся слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные яркие образы, а *периферию концепта* составляют более абстрактные признаки.

Содержание концепта может исчерпываться *базовым образом*, если концепт отражает конкретные чувственные ощущения и представления, либо вычленяется в сознании примитивно мыслящих индивидов. В более сложных концептах на базовый образ наслаиваются *дополнительные концептуальные признаки*, которых может быть множество, и они могут также образовывать относительно автономные концептуальные слои, варьируя от более конкретного к более абстрактному слою. Совокупность базового образа, его когнитивных признаков и концептуальных слоев составляют *объем концепта* (Стернин, Попова, 2007: 74-82).

В.И. Карасик, выявляя структуру концептов – духовных ценностей, выделяет в ней, помимо *образной, понятийную и ценностную составляющие*. Образную составляющую автор понимает как «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами» (Карасик, 2005: 27). Понятийная составляющая представляет собой, по мнению В.И. Карасика, «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания». С лингвокультурологической точки зрения доминирующей является ценностная составляющая, поскольку она более всего культурно значима (Карасик, 2005: 29).

С.Г. Воркачѳв, принимая подход к моделированию структуры концепта В.И. Карасика, выделяет в семантическом составе концепта помимо образной, ценностной и понятийной, также *значимостную составляющую*, которая определяется местом, которое занимает имя концепта в языковой системе. В эту составляющую входят также *этимологические и ассоциативные* характеристики имени концепта (Воркачѳв, 2004:67).

Согласно Ю.С. Степанову структура лингвокультурного концепта включает *образную, ассоциативную, понятийную, этимологическую, ценностную, и историческую* составляющие.

Ассоциативная составляющая концепта индуцируется наиболее частотными (прототипическими) ассоциативными отношениями имен, имеющих внеконтекстную связь с концептом.

Образная составляющая концепта может включать наглядно-чувственное представление (перцептивный образ, «мыслительная картинка»), а также комбинацию концептуальных метафор, выводимых носителем языка из сочетаемости имени, объективирующего концепт в языке. Метафорическое ядро концепта поддается эмпирической верификации средствами языка и во многом мотивирует ценностную составляющую концепта.

Этимологическая составляющая (этимологический слой) концепта определяется внутренней формой слова, являющегося ключевым репрезентантом концепта. Этимологическая составляющая концепта служит средством дополнительной мотивации его ценностной составляющей.

Понятийная составляющая концепта имеет зоны пересечения с ассоциативной составляющей, так как может включать смыслы, выводимые из доминантных ассоциативных связей концепта, однако базовыми в ее содержании являются дистинктивные, родовые признаки. Понятийная составляющая неинформативна при выявлении национально-культурных смыслов, так как содержит гипер/гипонимические признаки понятия, которые в случае концептов духовных сущностей могут совпадать в формулировках представителей разных культур (Степанов, 2003: 51).

Ценностная составляющая концепта понимается нами, вслед за Г.Г. Слышкиным, как компонент концепта, который может быть разложим на два измеряемых аспекта: актуальность и оценочность. *Аспект оценочности* находит выражение в наличии оценочной составляющей в значении языковой единицы, являющейся именем концепта, а также в сочетании этой

единицы с оценочными эпитетами. Наличие оценочного аспекта проверяется методами компонентного и контекстуального анализа. *Аспект актуальности* реализуется в численности языковых единиц, являющихся средствами апелляции к данному концепту. Наличие аспекта актуальности проверяется методом количественного подсчета (Слышкин, 2004: 46-49).

Историческая составляющая лингвокультурного концепта включает наиболее значимые признаки ассоциативных составляющих концепта, которые входили в его структуру на более ранних этапах существования в концептосфере этноса и, в значительной степени, определяющие его синхронное состояние. По мере обогащения ассоциативной составляющей концепта новыми ценностно-акцентуированными признаками, ряд старых признаков, теряющих актуальность и интенсивность оценочности, переходят в историческую составляющую. Важно учитывать, что ни один из когда-либо ценностно-акцентуированных признаков концепта не элиминируется полностью, оставаясь в «пассивном» (историческом) слое, они способны актуализироваться в особых условиях дискурса.

Основное внимание в исследовании структур лингвокультурных концептов уделяется выявлению структур их ассоциативных составляющих, так как именно они подвергаются верификации фактами языка, наиболее полно представляют национальное своеобразие концептов, в первую очередь отражают диахронические изменения в структуре и ценностном статусе концептов, структурируют субконцептосферы и, в конечном итоге, национальную концептосферу (Кононова, 2010: 95).

Диахроническое исследование ассоциативных составляющих концептов позволяет сделать вывод о структуре их исторических составляющих, включающих наиболее значимые в тот или иной период развития концепта ассоциаты, а также признаки этимологических составляющих предыдущих эпох. Историческая составляющая актуализируется в специфических условиях дискурса, однако, мотивирует современную структуру и национально-культурную специфику концепта.

В терминах полевого подхода более целесообразно рассуждать, реконструируя ассоциативную составляющую концепта, так как она изоморфна репрезентирующему ее лексико-семантическому полю. Ассоциативная составляющая является значимым конструктом концепта, отражающим его бытие в актуальном срезе, однако все содержание концепта к ней, ни в коем случае, не сводится. Именно это позволяет концепту «пережить» своих номинантов, не диссимилироваться вместе с распадом актуализирующих его лексических микропарадигм (Евтушенко, 2009: 35-36).

Говоря об иерархической организации составляющих лингвоконцепта, можно утверждать, что образная составляющая концепта (перцептивный и/или метафорический образ) совместно с ее когнитивными признаками являются *ядром концепта*. При этом бесосновательно было бы утверждать, что существует иерархия в отношении к ядру прочих пяти составляющих концепта.

Таким образом, можно сделать вывод, что концепт имеет сложную структуру. Вслед за И.А. Стерниным и З.Д. Поповой, которые предлагают полевою модель концепта, мы считаем, что структуру концепта можно описать посредством терминов «ядро» и «периферия». К ядру относятся слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные яркие образы, а периферию концепта составляют более абстрактные признаки. Объем концепта составляет совокупность базового образа, его когнитивных признаков и концептуальных слоев.

Выводы по ГЛАВЕ I

В результате рассмотрения теоретических основ был сделан ряд выводов:

1. Несмотря на разнообразие определений понятия «концепт», можно отметить, что в каждом из них подчеркивается актуальная для современной лингвистики идея комплексного изучения языка. Выделяя основные направления исследования понятия «концепт», можно сделать вывод, что основное внимание уделяется трем сущностям концепта: ментальной, культурной и языковой.

2. Основной тенденцией в эволюции концептологии был постепенный отход от трактовки концепта как строго индивидуальной, субъективной формы схватывания смысла в сторону всё большего заострения функциональной стороны концепта как некой универсальной, intersубъективной формы хранения и трансляции общекультурной информации, функционирующей на фоне других подобных форм.

3. Концепт в работе понимается и рассматривается в рамках лингвокультурологического направления как сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее.

Основные признаки концепта как лингвокультурологической категории, могут быть сформулированы следующим образом:

- универсальность, общность, абстрактность представления о чем-либо;
- тождественность понимания реципиентами, обладающими общим менталитетом;
- культурно-этическая, историко-культурологическая значимость для носителей языка;

- способность воздействовать на формирование концептосферы в рамках коллективного сознания;

Рассматривая концепт в лингвокультурологическом аспекте, ученые подводят под этот термин ключевые для данного сообщества людей понятия, отличающиеся богатством как языковых, так и невербальных средств их выражения и высокой степенью детализации в языке.

4. Лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в сознании индивида связан с концептосферой социума, т.е. в конечном счете, с культурой, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида.

5. Концепт тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом. В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, можно называть концептосферами. Национальная концептосфера складывается из совокупности индивидуальных, групповых, классовых, национальных и универсальных концептов, то есть концептов, имеющих общечеловеческую ценность. Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство.

6. Концепт может рассматриваться как совокупность его «внешней», категориальной отнесенности и внутренней, смысловой структуры, имеющей строгую логическую организацию. В основе концепта лежит исходная, прототипическая модель основного значения слова (т. е. инвариант всех значений слова), в связи с чем, можно говорить о центральной и периферийной зонах концепта. Базой для образования концепта служит то явление реальной действительности, которое становится объектом оценки, так как для того, чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя, а момент «пропускания» и оценивания является моментом

образования какого – либо концепта в сознании носителя культуры. Помимо ценностной составляющей, также в структуру концепта входят понятийный и образный элементы. Понятийный элемент формируется фактической информацией о реальном или воображаемом объекте. Образная составляющая концепта связана со способом познания действительности.

7. Многочисленных концептуальных слоев в концепте может не быть, но базовый когнитивный слой с чувственно-образным ядром есть у каждого концепта.

8. Бесконечность концепта определена его бытием как явлением культуры: он постоянно существует, совершая движение от центра к периферии и от периферии к центру, его содержательное наполнение также безгранично.

ГЛАВА II. Практическое исследование средств передачи концепта «Дружба» (friendship) в романе Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!»

2.1. Концепт «Дружба» в английском языковом пространстве

Как упоминалось в предыдущей главе, национальная концептосфера в первую очередь складывается из концептов, имеющих общечеловеческую ценность. Ключевыми в любом языковом пространстве являются концепты, которые определяют суть человеческих взаимоотношений, к ним относится и концепт «Дружба», так как самосознание, жизнеощущение и миропонимание любого человека во многом определяется отношением к дружбе. В данной работе феномен дружбы осмысливается в рамках концептосферы английского языка.

Значение английского слова «друг» (friend) менялось с течением времени, проанализировав изменения, которые он претерпевал, можно выявить процесс развития глубинных отношений между людьми. Интересным представляется проследить эволюцию концепта «Дружба» на материале анализа словарных дефиниций в различных лексикографических источниках, так как именно словари выступают фиксаторами наиболее устоявшихся и оформившихся определений. Например, в первом издании словаря Уэбстера предлагается такое определение дружбы:

Friendship, n. friend'ship.

«1. An attachment to a person, proceeding from intimate acquaintance, and a reciprocation of kind offices, or from a favorable opinion of the amiable and respectable qualities of his mind. Friendship differs from benevolence, which is good will to mankind in general, and from that love which springs from animal appetite. True friendship is a noble and virtuous attachment, springing from a pure

source, a respect for worth or amiable qualities. False friendship may subsist between bad men, as between thieves and pirates. This is a temporary attachment springing from interest, and may change in a moment to enmity and rancor.

2. Mutual attachment; intimacy.

3. Favor; personal kindness.

4. Friendly aid; help; assistance.

5. Conformity; affinity; correspondence; aptness to unite» (цит. по Skeat, 2001: 213).

В более позднем издании словарная статья выглядит следующим образом:

Friendship, n.:

1. The state of being friends; friendly relation, or attachment, to a person, or between persons; affection arising from mutual esteem and good will; friendliness; amity; good will;

2. Kindly aid; help; assistance;

3. Aptness to unite; conformity; affinity; harmony; correspondence (цит. по Skeat, 2001: 242).

В словаре Лонгмана, выпущенного в 1995 году, представлено следующее толкование:

friendship:

1. [countable] a relationship between friends;

2. [uncountable] the feelings and behavior that exist between friends.

friend [countable]:

1. a person you like, someone who you know and like very much and enjoy spending time;

2. a supporter, someone who supports an organization such as a theatre, art gallery, charity etc by giving money or help;

3. not enemy, someone who has the same beliefs, wants to achieve the same things etc as you, and will support you;

4. parliament/court of law (British English)

a) my honorable friend used by a member of parliament when speaking about another member of parliament

b) my learned friend used by a lawyer when speaking about another lawyer in a court of law (Longman Dictionary of Contemporary English, 1995: 845).

В изданиях более поздних лет мы находим такое определение понятия «Дружба»:

friend (companion) noun [C]

1 a person whom you know well and whom you like a lot, but who is usually not a member of your family:

2 someone who is not an enemy and whom you can trust:

3 someone who gives money to a theatre, other arts organization or charity in order to support it:

friendship noun [C or U]

when two people are friends (Cambridge Advanced Learner's Dictionary, 2003: 789).

Проанализировав изменения, происходившие в вышеперечисленных лексикографических толкованиях, можно прийти к выводу, что содержание концепта «Дружба» с течением времени претерпевало определенные изменения. Кроме того, данные изменения отражают исторические процессы и общественные метаморфозы, которые свойственны англоязычному социуму. В словаре Уэбстера 1828 года присутствуют такие компоненты концепта «Дружба», как искренность, благородство, взаимопомощь и постоянство, в то время как в современных словарях, друг – человек, с которым приятно проводить время, приятный собеседник. Вместе с тем, концепт «Дружба» приобретает новые компоненты, такие как сторонник, человек, дающий деньги на благотворительность.

Учитывая роль, которую английское слово «друг» (friend) играет в семантическом поле лексемы «дружба», особенно важно понять, как же в действительности изменился данный концепт. Следует отметить, что утрачивается компонент единственного друга, друзей может быть много.

Общее направление этих изменений удобно иллюстрируется возникновением выражения «близкий друг» (close friend), которое возникло сравнительно недавно. В целом значение слова «друг» (friend) несколько ослабло, так что для того, чтобы ему обрести нечто вроде прежней силы, теперь приходится использовать выражение «близкий друг» (close friend). В прежнем значении друзья (friends) были связаны друг с другом отношением дружбы (friendship), а при современном употреблении этих понятий становится очевидным, что у человека может быть гораздо больше друзей (friends), нежели «дружб» (friendships), и только о близких друзьях (close friends) можно теперь сказать, что они связаны отношением «дружбы» (friendship). Именно поэтому, во многих современных словарях английского языка особый акцент делается на выражение «близкая, тесная дружба» (close friendship), которому дается обособленное пояснение (Longman Dictionary of contemporary English).

Современный словарь английского языка дает следующее определение дружбы:

Friendship:

noun

1. the state of being a friend; association as friends:

to value a person's friendship.

2. a friendly relation or intimacy.

3. friendly feeling or disposition (Dictionary).

Исходя из данной дефиниции, дружба определяется как:

- дружественное состояние, благодаря которому люди могут ассоциироваться друг у друга как друзья;

- взаимоотношения, основанные на дружбе или близости;

- чувство дружелюбия, расположенности, благосклонности.

Следует отметить, что лишь одно из вышеприведенных определений дружбы подразумевает близкие, прочные взаимоотношения, в то время как другие характеризуют дружбу скорее как просто дружелюбное отношение людей друг к другу, состояние приятия.

Тезаурус Роже позволяет определить круг активно используемых лексем, связанных с концептом «Дружба».

Concept Thesaurus for word “**friendship**”:

- accord;
- agreement;
- fraternity;
- peace;
- good understanding;
- response;
- good will (benevolence);
- intercourse;
- amity;
- sodality;
- cordiality;
- fellowship;
- friendliness;
- sympathy;
- affection (love);
- familiarity;
- knowledge of;
- brotherhood;
- harmony (concord);
- fellow-feeling;
- intimacy;
- introduction (Roget’s 21st Century Thesaurus).

Данный анализ показывает, что к концепту «Дружба» относятся следующие лексемы: единение, согласие, мир, гармония, взаимопонимание, доброжелательность, дружелюбность, сочувствие, сердечность, совместимость, привязанность, общность интересов, способность к формированию групп (братство, товарищество).

Можно проследить градацию отношений: знакомство, приветливость, радушие, симпатия, привязанность, любовь (интимные, сексуальные и семейные отношения).

Антонимичными лексеме «дружба» являются следующие понятия:

- disagreement;
- dislike;
- hate;

- hatred (Roget's 21st Century Thesaurus).

Дружба противопоставляется разногласию, неприязни, вражде и ненависти.

Опираясь на результаты исследования тезауруса Роже, интерпретация концепта «Дружба» будет осуществляться путем рассмотрения элементов, которые могут быть выделены с помощью наиболее активно используемых лексем:

- 1) Friendship – Amity
- 2) Friendship – Likeness
- 3) Friendship – Love
- 4) Friendship – Intimacy
- 5) Friendship – Knowledge
- 6) Friendship – Support
- 7) Friendship – Brotherhood
- 8) Friendship – Sociality
- 9) Friendship – Introduction
- 10) Friendship – Reconciliation
- 11) Friendship – Not enmity

Синтагматическими характеристиками лексемы «дружба» в англоязычном пространстве являются:

- sincere friendship;
- close friendship
- deep friendship
- warm friendship
- lifelong friendship
- firm friendship
- devoted friendship
- bosom friendship
- cordial friendship
- staunch friendship
- tried friendship
- intimate friendship
- fast friendship (William D. Lutz, 2004).

Таким образом, наиболее частотными характеристиками дружбы являются прилагательные: искренняя (sincere), близкая (close), глубокая (deep), сердечная (warm), «пожизненная», длиною в жизнь (lifelong), крепкая (firm), преданная (devoted) закадычная (bosom), сердечная (cordial), верная (staunch), проверенная (tried), что отражает в достаточной мере душевный характер дружбы. Следует также отметить, что в англоязычном пространстве интимные отношения выделяются в особый вид дружбе (intimate friendship).

Из этих значений можно сделать вывод, что основным смыслом дружбы является общение с человеком, которое основано на понимании, доверии, схожести, знании друг друга, принятии, взаимопомощи. Дружба имеет начало, может быть прервана и потом возобновиться вновь.

Доминантами при поиске синонимов английской лексемы «дружба» оказались: счастье (happiness), веселье (fun), полное доверие (confidence), любовь (love), помощь (help). Рассмотрение данных примеров приводит к выводу, что в основе понимания концепта «Дружба» в английском сознании лежит чувство, основанное на взаимопомощи, доверии и любви. Кроме того, для прагматичных англичан и американцев крайне важно, чтобы дружба приносила радость и счастье.

Таким образом, проведенный анализ позволил определить глубинную семантическую структуру концепта «Дружба». Не исключено, что в процессе исследовательской работы будут выделены и другие элементы, составляющие концепт «Дружба».

2.2. Особенности репрезентации концепта «Дружба» в романе Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!»

Материалом для данного исследования послужило произведение Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!».

Эрнест Хемингуэй (1899–1961) по праву считается одним из наиболее выдающихся и влиятельных американских писателей 20 века, имя которого стало символом литературного успеха и славы, отточенного мастерства, трудолюбия и глубокой, искренней любви к человеку. Основным содержанием его творчества стали поиски истинных ценностей жизни, размышления над судьбой «потерянного поколения» — поколения фронтовиков Первой мировой войны. Героями произведений Хемингуэя являются мужественные люди, которые противостоят судьбе, стойчески преодолевают отчуждение, в каждом из них прослеживается частичка личности автора, его негибкая воля к жизни.

В романе «Прощай, оружие!» (A Farewell to Arms) повествуется о нескольких месяцах жизни лейтенанта Фредерика Генри, который служил в санитарном отряде итальянской армии. Данное произведение представляет собой повествование о человеке, пережившего трагедию войны, размышление о горечи прозрения после первого ранения и потери товарищей и любимой женщины, рассказ о попытке вырваться из ужаса войны.

По мере того как война начинает отождествляться с абсолютной жестокостью мира, особое место в произведении занимают любовь и дружба, они служат тем началом, которое помогает герою пережить все удары судьбы.

Тема дружбы является одной из ключевых в данном произведении, именно поэтому, исследование способов текстовой репрезентации концепта «Дружба», позволяет раскрыть индивидуально-авторские представления, стоящие за ними, приблизиться к истокам индивидуального опыта, в результате которого родилось произведение, достичь его более глубокого, близкого авторскому пониманию, и, следовательно, адекватно его воспринимать и интерпретировать.

В данном произведении в концепт «Дружба», в первую очередь, входит компонент «друг», под которым подразумевается товарищ, дорогой, близкий, любимый человек. Повествование ведется от первого лица, и буквально с

первых страниц, автор ведет рассказ о своем друге, не называя его имени, а используя притяжательное местоимение «мой» (*my friend*), подчеркивая тот факт, что они давно знакомы, и он воспринимает этого друга, как неотъемлемую часть своей жизни:

“*My friend* saw the priest from our mess going by in the street, walking carefully in the slush, and pounded on the window to attract his attention” (Ernest Hemingway, 1987: 5).

“*My friend* motioned for him to come in. The priest shook his head and went on” (Ernest Hemingway, 1987: 5).

Используя превосходную степень прилагательного «хороший» (*good*), автор выделяет своего друга из числа прочих, подразумевая, что этот друг самый лучший:

“You are my *best* friend and my war brother” (Ernest Hemingway, 1987: 120).

Люди, доверяющие друг другу свои финансы, могут считаться «хорошими» и даже «большими» друзьями:

“I must make on Miss Barkley the impression of a man of sufficient wealth. You are my *great and good friend* and financial protector” (Ernest Hemingway, 1987: 9).

Таким образом, ядром концепта «Дружба» в данном произведении является лексема «друг». Для того чтобы сделать акцент на том, насколько важен для человека может быть друг, автор использует следующие выражения: мой друг (*my friend*), лучший друг (*best friend*), хороший друг (*good friend*), большой друг (*great friend*)

2.2.1. Дружба – сходство

Главный герой и его лучший друг придерживаются схожих взглядов по

наиболее важным для них вопросам, что является залогом их крепкой дружбы:

“With your priest and your English girl, and really you are just like me underneath” (Ernest Hemingway, 1987: 49).

Естественным является желание походить на своего друга:

“I am like you, baby. I will get an English girl too” (Ernest Hemingway, 1987: 120).

Друзья похожи друг на друга, между ними не возникают споры, в силу того, что их точки зрения схожи, они думают об одном и том же, понимая друг друга без слов:

“It seemed to work sometimes but that was probably because we were thinking the same thing anyway” (Ernest Hemingway, 1987: 82).

“We really are the same one and we mustn’t misunderstand on purpose” (Ernest Hemingway, 1987: 97).

“Now you see. Underneath we are the same” (Ernest Hemingway, 1987: 50).

Настоящие друзья с легкостью находят темы для бесед:

“We two were talking while the others argued” (Ernest Hemingway, 1987: 10).

Сходство людей не бывает абсолютным, вкусы друзей могут различаться, но они понимают, принимают и дополняют друг друга, начиная со временем ценить даже свои различия:

“He had not had it but he understood that I had really wanted to go to the Abruzzi but had not gone and we were still *friends*, with many tastes alike, but with the difference between us. He had always known what I did not know and what, when I learned it, I was always able to forget. But I did not know that then, although I learned it later” (Ernest Hemingway, 1987: 10).

Автор подчеркивает, что на войне особенно ценной является поддержка друга, который способен понять, разделить с тобой тяготы и стать опорой в трудную минуту:

“Your *friend* is a doctor, isn’t he?”

“Yes. He’s very good.”

“That’s splendid. You rarely find anyone any *good* this close to the front” (Ernest Hemingway, 1987: 14).

Проанализировав эти примеры, можно прийти к выводу, что наличие общих ценностей и интересов является залогом крупной дружбы.

2.2.2. Дружба – открытость

Одним из важнейших условий, способствующих построению крепкой дружбы, является возможность быть самим собой рядом с другим человеком:

“You don’t have to pretend you love me... Please let’s not lie when we don’t have to. And you don’t have to say you love me.” (Ernest Hemingway, 1987: 23)

“Don’t try to flatter me... I’m *a friend of yours*,” she said. “You don’t have to talk to me like that” (Ernest Hemingway, 1987: 79).

Настоящий друг помогает бескорыстно и не нуждается в лести:

“You’re awfully damned nice.”

“No. I know who you think is nice. But I’m *your friend*. How does your leg feel?” (Ernest Hemingway, 1987: 80).

Обращаясь к другу, один из героев называет другого уменьшительно-ласкательным словом «малыш», что обычно не свойственно для мужской компании, тем самым он одновременно подтрунивает над ним и показывает теплое отношение к нему:

“Take off your pants, *baby*. We’re all *friends* here” (Ernest Hemingway, 1987: 116).

“Poor *baby*. Is she good to you?” (Ernest Hemingway, 1987: 119)

Друзья знают сильные и слабые стороны друг друга, они открыто высказывают свои беспокойства, предостерегая от неправильных поступков:

“I just tell you, baby, for your own good. To save you trouble” (Ernest Hemingway, 1987: 50).

“We won’t quarrel, baby. I love you too much. But don’t be a fool.” (Ernest Hemingway, 1987: 50)

Знание друзей и любовь к ним дает возможность прощать их:

“Please shut up. If you want to be *my friend*, shut up.”

“I don’t want to be *your friend*, baby. I am *your friend*” (Ernest Hemingway, 1987: 119).

“Don’t get angry.”

“I’m not angry” (Ernest Hemingway, 1987: 50).

Дружба подразумевает открытость, лучшие друзья интересуются чувствами и переживаниями друг друга, расспрашивают о произошедших событиях:

“Where did you go and what did you do? Tell me everything at once.”

“Where did you go? How did you feel? Tell me everything at once. Did you stay all night?”

“To-night you will tell me everything” (Ernest Hemingway, 1987: 8-9).

Будучи в разлуке, друзьям чувствуют себя одиноко:

“I wish you were back. No one to come in at night from adventures. No one to make fun of. No one to lend me money” (Ernest Hemingway, 1987: 49).

Встреча с близкими друзьями является особенным событием, которое человек ждет с нетерпением, готовится к нему:

“What we’ll really do,” she said, “is get you ready for your *friend* Dr. Valentini” (Ernest Hemingway, 1987: 74).

Таким образом, исходя из данных примеров, становится очевидным, что друг – человек, рядом с которым ты можешь быть самим собой.

2.2.3. Дружба – братство

Близкая дружба приравнивается к кровному родству, друзья любят друг друга как братья:

“We are *brothers* and we love each other” (Ernest Hemingway, 1987: 49).

“You are my best friend and my war brother” (Ernest Hemingway, 1987: 120).

Для того, чтобы подчеркнуть насколько близки могут быть друзья автор использует выражение «кровные братья»:

“I wish you were back...No *blood brother* and roommate” (Ernest Hemingway, 1987: 49).

Война сближает людей, делает их «братьями»:

“We are *war brothers*. Kiss me good-by” (Ernest Hemingway, 1987: 50).

Оказавшись на войне, все попадают в одинаковые условия, стираются грани условностей:

“Take off your breeches, baby. We’re all friends here” (Ernest Hemingway, 1987: 116).

Не все солдаты ощущают себя братьями, иногда это происходит лишь после того, как они «выпьют» вместе:

“...and I drank wine because tonight we were not all *brothers* unless I drank a little and talked with the priest about Archbishop Ireland” (Ernest Hemingway, 1987: 28).

В данном произведении автор делает акцент на тот факт, что на войне алкоголь является порой единственным средством, помогающим людям, пусть на короткое время, сбежать от ужаса войны, почувствовать нормальное течение жизни:

“...I sat with *a friend* and two glasses drinking a bottle of Asti, and, looking out at the snow falling slowly and heavily, we knew it was all over for that year” (Ernest Hemingway, 1987: 5).

“You must forgive me for talking so much, baby. I am very moved to see you badly wounded. There, drink that. It’s good. It cost fifteen lire. It ought to be good. Five stars” (Ernest Hemingway, 1987: 48).

Во время войны алкоголь помогает людям расслабиться, создает дружелюбную обстановку:

“The major asked me to have a drink with him and two other officers. We drank rum and it was very *friendly*” (Ernest Hemingway, 1987: 34).

Выпивая вместе алкоголь, люди на войне начинают сближаться:

“We were sitting in the deep leather chairs, the champagne in the ice-bucket and our glasses on the table between us... We both drank the wine” (Ernest Hemingway, 1987: 187-188).

Во время распития вина между героями завязываются дружеские отношения:

“I hope you will be very fortunate, my friend, and very happy and very, very healthy.”

“Thank you. And I hope you will live forever” (Ernest Hemingway, 1987: 189).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что на войне люди сближаются, становятся как братья.

2.2.4. Дружба – поддержка

На войне люди становятся заложниками ситуации, в которую они попадают, это касается и человеческих взаимоотношений. Лежа в госпитале, солдаты проводят вместе так много времени, что невольно становятся друзьями:

“It is a disgrace that they should stay so long that they *become friends*” (Ernest Hemingway, 1987: 48).

Автор пишет, что в некоторых дружеских отношениях бывают периоды, когда общение не ладится, что является досадным фактом, но не служит поводом для прекращения дружбы:

“Sometimes we talked and were *good friends* but to-night it was difficult” (Ernest Hemingway, 1987: 51).

Интересным представляется тот факт, что даже в условиях военного времени не все люди чувствуют общность и сплоченность, кто-то ведет себя нарочито раскрепощено, выдавая это за дружелюбие, другие же, ощущают в этом подвох и проявляют настороженность:

“He put his hand on the girl’s thigh and squeezed it in a *friendly way*. The girl drew her shawl tight around her and pushed his hand away” (Ernest Hemingway, 1987: 138).

Война раскрывает истинную сущность человека. Автор повествует о своем «друге», менеджере отеля, который отказывался принимать плату за номера заранее, делая вид, что идет людям на уступки, и тем самым, пытаясь завести друзей, но его отношение к ним не было до конца искренним, он не доверял им и хотел быть уверенным, что после получит всю плату:

“The manager had remembered me as a *friend* and refused payment in advance but when he retired he had remembered to have the waiter stationed at the door so that I should not get out without paying. I suppose that had happened; even with his *friends*. One had so many *friends in a war*” (Ernest Hemingway, 1987: 110).

Бывают ситуации, когда люди неожиданно проявляют свои лучшие качества, поступают как настоящие друзья, их ценность познается со временем:

“She leaned over. “I’m your *friend*.”

“I know you are.”

“No you don’t. But you will some day” (Ernest Hemingway, 1987: 80).

Иногда дружба ослабевает со временем, но для друзей важно, чтобы о них помнили и не сомневались в их верности:

“When I went out he said, “Don’t forget that I am your *friend*” (Ernest Hemingway, 1987: 170).

Необходимо отметить такой факт, что автор подчеркивает такой факт дружбы, как количественная составляющая друзей, которых может быть множество. В следующем примере используется выражение "наши друзья", (*friends of ours*), за которым «спрятано» значение того, что не единственные друзья, а одни из множества:

“...I went along the hall with her on the crutches and carried the basins and waited outside the doors, or went in with her; it depending on whether they were *friends of ours* or not...” (Ernest Hemingway, 1987: 82).

Обращаясь к другу с просьбой, один из героев подчеркивает, что тот не единственный, кого он попросил, таких друзей у него несколько:

“And if you ever become devout pray for me if I am dead. I am asking *several of my friends* to do that” (Ernest Hemingway, 1987: 189).

Необходимо отметить, что, в то время как люди заводят множество друзей, важным является наличие одного верного друга, на которого можно положиться и быть в нем полностью уверенным:

“The porter took *a friend* with him, a machine-gunner on leave who worked in a tailor shop, and was sure that between them they could hold a place” (Ernest Hemingway, 1987: 102).

Друзья являются неотъемлемой частью жизни любого человека, по степени важности они порой приравниваются к семье:

“Go down there,” I said, pointing. “*Friends! Family!*” (Ernest Hemingway, 1987: 147).

Автор отмечает, что окружение имеет большое значение, сама жизнь становится приятнее, если на своем пути человек встречает приветливых и дружелюбных людей:

“You will find all the inhabitants extremely *courteous and friendly*” (Ernest Hemingway, 1987: 205).

Как видно в приведенных примерах, друзья человека служат ему опорой и являются поддержкой в трудные времена. Друг – человек, на которого можно положиться.

2.2.5. Дружба – готовность помочь

Помощь играет важную роль в дружеских отношениях, она высоко ценится людьми. В следующем примере мы видим, что помогая кому-то можно «получить статус большого друга»:

“Miss Van Campen had accepted the status that we were *great friends* because she got a great amount of work out of Catherine” (Ernest Hemingway, 1987: 85).

Друзья входят в положение друг друга, пытаются помочь, когда выпадает возможность:

“...the boy who had unscrewed the nose-cap was *a friend of ours* and never rang at night, unless it was necessary but between the times of working we were together” (Ernest Hemingway, 1987: 78).

Автор использует выражение «старый друг», рассказывая о приятеле, который хотел ему помочь, в память об услуге, которую тот ему когда-то оказал:

“He’s an old friend,” I said. “I nearly sent him some pipe tobacco once” (Ernest Hemingway, 1987: 191).

Как известно, друзья познаются в беде, их помощь бескорыстна и является большой ценностью:

“You can stay here as long as you want. You will see what sort of man I am.”

“I am in no trouble. But I value the address of a *friend*” (Ernest Hemingway, 1987: 170).

Друзья всегда находят время друг для друга, не смотря на свою занятость, они пытаются помочь любым доступным способом:

“Good boy. I always knew you had sense. Can I help you anyway?”

“You’re awfully busy.”

“Not a bit of it, my dear Henry. Not a bit of it. I’d be happy to do anything”

(Ernest Hemingway, 1987: 172).

В случае необходимости, люди, связанные дружбой, готовы предложить свой кров:

“You could stay with my family.”

“I said I hoped it would go well but that he was too kind” (Ernest Hemingway, 1987: 7).

В следующем примере мы видим описание того, как один из героев хочет поделиться с другом необходимой одеждой, обращаясь к нему, не иначе как «мой дорогой друг», что показывает, насколько сердечно он к нему относится:

“There’s a closet. Take anything you want. *My dear fellow*, you don’t want to buy clothes.”

“*My dear fellow*, it’s easier for me to let you have them than go out and buy them.

Ideal, *my dear fellow*...*My dear fellow*, I’ll take up yodelling yet” (Ernest Hemingway, 1987: 173).

Друзья не пользуются бескорыстием друг друга, их взаимоотношения основаны на доверии и уважении:

“I want to pay you for the boat,” I said.

“How much money have you?”

“Not so much.”

“You send me the money later. That will be all right.”

“How much?”

“What you want” (Ernest Hemingway, 1987: 192).

Настоящие друзья не эгоистичны, они заботятся о счастье и благополучии друг друга:

“You are happy, aren't you? Is there anything I do you don't like? Can I do anything to please you?” (Ernest Hemingway, 1987: 84).

Иногда дружба подразумевает взаимную выгоду:

“You're very good to help us,” Catherine said.

“That's nothing, lady,” the barman said. “I'm glad to help you just *so I don't get in trouble myself*” (Ernest Hemingway, 1987: 191).

Поддержка друзей может быть не только моральной, но и финансовой. Один из героев, пусть и в шуточной форме, признается, что ему не хватает друга, который всегда его выручал:

“I wish you were back. No one to come in at night from adventures. No one to make fun of. No one to lend me money” (Ernest Hemingway, 1987: 49).

Исходя из данных примеров, можно сделать вывод, что дружба строится на бескорыстной помощи.

2.2.6. Дружба – любовь

Тема дружбы в данном произведении перекликается с темой любви, так как настоящая дружба основана на любви:

“What do you value most?”

“Someone I love” (Ernest Hemingway, 1987: 188).

Друзья, даже мужского пола, не стесняются говорить о том, что любят и дорожат друг другом:

“I love you, baby,” he said (Ernest Hemingway, 1987: 119).

Особое место в романе занимают отношения главного героя и медсестры Кэтрин Баркли, развитие которых интересно проследить. Их

общение начинается с взаимопонимания, обоюдного желания проводить время вместе:

“I’ll leave you two,” she said. “You get along very well without me” (Ernest Hemingway, 1987: 18).

Проводя друг с другом, герои забывают о войне:

“We do get along.”

“Yes,” I said. “And we have gotten away from the war” (Ernest Hemingway, 1987: 19-20).

Начавшись с приятного общения, взаимоотношения героев перетекают в дружбу:

“So you make progress with Miss Barkley?”

“We are *friends*” (Ernest Hemingway, 1987: 20).

Не только Генри считает Кэтрин своим другом, но и окружающие замечают, что они дружны:

“Your *friend* Miss Barkley’s come,” she said (Ernest Hemingway, 1987: 65).

Внезапно дружба героев переходит во влюбленность:

“When I saw her I was in love with her. Everything turned over inside of me” (Ernest Hemingway, 1987: 67).

Наступает момент, когда герои признаются в своих чувствах:

“You do love me?”

“I really love you. I’m crazy about you. I’m crazy in love with you” (Ernest Hemingway, 1987: 67).

Чувства Генри и Кэтрин взаимны:

“I loved her very much and she loved me” (Ernest Hemingway, 1987: 78).

Герой признается, что такое глубокое чувство является для него новым, прежде он никого так сильно не любил, и лишь теперь понял, что оно значит:

“How many people have you ever loved?”

“Nobody.”

“Not me even?”

“Yes, you.”

“How many others really?”

“None” (Ernest Hemingway, 1987: 76).

В контексте любовных отношений дружба подразумевает близость, время, которое люди проводят только вдвоем:

“...Christ, that my love were in my arms and I in my bed again. That my love Catherine” (Ernest Hemingway, 1987: 140).

Друзья любят друг друга во всякое время:

“I’ll love you always.”

“I’ll love you in the rain and in the snow and in the hail and— what else is there?”

“I’ll love you no matter how it is” (Ernest Hemingway, 1987: 91).

Когда люди влюблены, они все время думают друг о друге, а остальной мир будто перестает для них существовать:

“I’m just so in love with you that there isn’t anything else” (Ernest Hemingway, 1987: 184).

Герои считают себя единым целым, противопоставляя себя остальному миру, в котором царит непонимание:

“We really are the same one and we mustn’t misunderstand on purpose... We mustn’t. Because there’s only us two and in the world there’s all the rest of them. If anything comes between us we’re gone and then they have us” (Ernest Hemingway, 1987: 97).

Любовь пробуждает в человеке его лучшие качества:

“I will send Miss Barkley. You are better with her without me. You are purer and sweeter” (Ernest Hemingway, 1987: 49).

Автор признается, что без любимой его жизнь становится пустой:

“I’m no good when you’re not there. I haven’t any life at all anymore” (Ernest Hemingway, 1987: 215).

Дружба, радость и любовь противопоставляются одиночеству и пустоте:

“I went out the door and suddenly I *felt lonely and empty*. I had treated seeing Catherine very lightly, I had gotten somewhat drunk and had nearly forgotten to come but when I could not see her there I was feeling *lonely and hollow*” (Ernest Hemingway, 1987: 30).

Автор пишет, что чувствовал себя одиноким прежде, находясь среди других людей, но рядом с любимой, он никогда не испытывал страха и одиночества:

“I have been *alone* while I was with many girls and that is the way that you can be most lonely. But we were *never lonely* and *never afraid* when we were together” (Ernest Hemingway, 1987: 178).

Любовь окрыляет, приносит счастье и дает покой:

“I haven’t been happy for a long time and when I met you perhaps I was nearly crazy. Perhaps I was crazy. But now *we’re happy* and we love each other. Do let’s please just *be happy*” (Ernest Hemingway, 1987: 84).

Анализ вышеприведенных примеров позволяет сделать вывод, что дружба и любовь неразрывно связаны между собой, так как любая дружба предполагает любовь. Кроме того, отношения, начавшиеся с дружбы, могут перейти во взаимную симпатию, а затем и вовсе перерасти в романтическую любовь.

2.2.7. Дружба – общение с людьми, которые тебе приятны

Следует подчеркнуть тот факт, что каждый человек выбирает себе друзей, ориентируясь на определенные, присущие им качества, которые кажутся ему привлекательными.

Характеризуя своего лучшего друга, главный герой признает тот факт, что он обладает приятной внешностью, кроме того, они являются людьми

одного возраста, пола и социального положения, что является основанием для их большой дружбы:

“He was good-looking, was my age, and he came from Amalfi. He loved being a surgeon and we were *great friends*” (Ernest Hemingway, 1987: 9).

Важно, чтобы люди нравились друг другу, симпатия служит хорошим поводом для начала дружбы:

“I liked him very much and I hoped he would get back to the Abruzzi some time” (Ernest Hemingway, 1987: 54).

Потеряв одного из друзей, Генри с горечью подмечает, что тот нравился ему как никто другой:

“I had liked him as well as any one I ever knew. I had his papers in my pocket and would write to his family” (Ernest Hemingway, 1987: 153).

Иногда достаточно приветливого и доброго отношения, чтобы расположить к себе человека, и он считал тебя другом:

“Ferguson was a *fine* girl. I never learned anything about her except that she had a brother in the Fifty-Second Division and a brother in Mesopotamia and she was very *good* to Catherine Barkley” (Ernest Hemingway, 1987: 78).

Необходимо отметить, что не все ориентируются на личные качества других людей, залогом их благосклонности служит происхождение человека:

“She thought Catherine came from very *good people* and that prejudiced her in her favor finally” (Ernest Hemingway, 1987: 85).

Порядочность и рассудительность человека помогают ему заводить друзей:

“*Good boy*. I always knew you had sense” (Ernest Hemingway, 1987: 172).

Анализ текста произведения показывает, что человек, ассоциирующийся с другом, характеризуется с помощью прилагательного «хороший» (*good*):

“*Good man*,” he pointed at himself. “*Good man*,” he pointed at me” (Ernest Hemingway, 1987: 139).

В другом случае это прилагательное использовано в значении «приносящий пользу», находящийся на своем месте:

“He is a *good priest*,” said the major. “He is a good priest,” said Rinaldi” (Ernest Hemingway, 1987: 122).

Автор использует выражение «надежный товарищ» (*good old boy*), подчеркивая, что обращается к другу, проверенному временем:

“You’re a *good old boy*” (Ernest Hemingway, 1987: 50).

Человек считается хорошим, если соблюдает нормы поведения, принятые в обществе:

“Be a *good boy* and be careful. No, you can’t kiss me here. You can’t” (Ernest Hemingway, 1987: 31).

В следующих примерах выражение “*good boy*” можно перевести как «примерный мальчик»:

“Do not worry and excite yourself. Be a *good boy*” (Ernest Hemingway, 1987: 72).

Примерное поведение располагает людей и помогает получить желаемое:

“Hush. Hush. Be a *good boy* and he’ll come” (Ernest Hemingway, 1987: 64).

Человеку, проявившему щедрость, в знак признательности ответят, что он «слишком добр»:

“Oh you are *too good*, sir. Thank you very much,” he said” (Ernest Hemingway, 1987: 192).

Рассказывая о бескорыстии и доброте доктора, автор пишет, что это было «очень мило с его стороны»:

“It was *very good of* the doctor to let me do something” (Ernest Hemingway, 1987: 228).

Иногда «хорошим добрым парнем» называют совестливого, способного к раскаянию человека:

“I know, you are the *fine good* Anglo-Saxon boy. I know. You are the *remorse* boy, I know” (Ernest Hemingway, 1987: 118).

Стоит подчеркнуть, что не всегда слово «хороший» (*good*) имеет положительную коннотацию, оно может быть употреблено в значении «простенький», «скучный», что можно проследить в следующем примере:

“The priest was *good but dull*. The officers were *not good but dull*. The King was *good but dull*. The wine was *bad but not dull*” (Ernest Hemingway, 1987: 29).

Кроме того, для описания приятного человека используется прилагательное “*nice*”:

“But you’re *very nice*. You’re a *very good* boy” (Ernest Hemingway, 1987: 23).

Генри употребляет выражение «ужасно милая», подчеркивая, что Кэтрин крайне приятна, поэтому она не может не нравиться людям:

“You will like her. She’s *awfully nice*.”

“I’m sure she’s *fine*” (Ernest Hemingway, 1987: 65).

Для усиления эффекта добавляется слово “*damned*”, которое имеет негативную коннотацию, но в этом контексте подразумевает комплимент («ужасно, чертовски хороша»):

“You’re *awfully damned nice*” (Ernest Hemingway, 1987: 80).

Рассказывая о своем погибшем избраннике, главная героиня, Кэтрин, подмечает, что он был «очень хорошим парнем»:

“He was *a very nice* boy. He was going to marry me and he was killed in the Somme” (Ernest Hemingway, 1987: 14).

Приятным людям легко заводить друзей:

“He was *a nice* boy and everyone seemed to like him” (Ernest Hemingway, 1987: 128).

С дружелюбными, приветливыми людьми всегда можно великолепно провести время:

“I had met two gunners from that lot, in Milan. They were *very nice* and we had a *big evening*” (Ernest Hemingway, 1987: 27).

У добрых людей и лица приятные:

“The porter stood by the bed. He had a *nice face* and was *very kind*” (Ernest Hemingway, 1987: 61).

Дружелюбие, приветливость ценятся людьми. Автор пишет, что добродушие докторов ассоциировалось у раненых с их профессионализмом:

“The doctors were *very nice* and seemed *very capable*” (Ernest Hemingway, 1987: 55).

Один из героев характеризует своего друга как очень доброго человека с «большим сердцем», способного всех развеселить:

“He’s just a *big-hearted joker*...Really he was *very nice*” (Ernest Hemingway, 1987: 211).

Еще одной характеристикой приятных людей служит прилагательное “lovely” (милый, очаровательный). Главный герой, Генри, благодарит возлюбленную, за то, что она была с ним добра и обходительна, называя ее заботу «прекрасной»:

“That was *lovely*, darling. Oh, you’re so *good to me*” (Ernest Hemingway, 1987: 232).

Он считает, что она станет прелестной женой:

“You’re a *lovely wife*” (Ernest Hemingway, 1987: 83).

Люди, помогающие человеку в трудный момент, милы и приятны ему:

“They were *very sweet*” (Ernest Hemingway, 1987: 220).

Друзья, которые спасают от тоски, проявляют доброту и доставляют большое удовольствие:

“You were *very kind* to play.” “It was a great pleasure” (Ernest Hemingway, 1987: 189).

“It is such a great pleasure that you are here. You were *very kind to come to play with me*” (Ernest Hemingway, 1987: 186).

Друзья любят проводить время вместе, составляя друг другу хорошую компанию:

“I have a fine time. Don't we have a good life?” (Ernest Hemingway, 1987: 214).

“Don't we have a fine time?” Catherine said. “Look. Let's go some place and have beer instead of tea” (Ernest Hemingway, 1987: 210).

Нахождение рядом с другом доставляет большое удовольствие:

“It is such a great pleasure that you are here” (Ernest Hemingway, 1987: 186).

Вместе с другом человек всегда чувствует себя прекрасно:

“We always feel good when we're together” (Ernest Hemingway, 1987: 105).

Друг – тот человек, к которому всегда хочется возвращаться, общение с ним приносит радость:

“I'm glad to see it. I am glad to be back with you again, Signor Maggiore” (Ernest Hemingway, 1987: 116).

Главная героиня романа Кэтрин Баркли, обращаясь к любимому мужчине, признается, что чувствует себя счастливой и радуется проведенному вместе времени, называя его «прекрасным»:

“You see I'm happy, darling, and we have a *lovely time*” (Ernest Hemingway, 1987: 84).

В разлуке с друзьями жизнь кажется пустой и серой:

“I don't live at all when I'm not with you” (Ernest Hemingway, 1987: 215).

Мы можем сделать вывод, что люди выбирают себе друзей на основе определенных качеств. Друг должен быть приятен, добр, приветлив, мил, с ним можно всегда хорошо провести время.

2.2.8. Вражда – отношение противоположное дружбе

В данном произведении человек, который приятен, противопоставляется тому, кто не нравится:

“Yes. I don't like her” (Ernest Hemingway, 1987: 65).

К одному и тому же человеку разные люди могут относиться иначе, выстраивая свои отношения с ним, в зависимости от чувства симпатии/антипатии:

“I didn't like him as much as you did” (Ernest Hemingway, 1987: 74).

“She isn't mean...She's just old and cranky. She never liked you” (Ernest Hemingway, 1987: 80).

Антипатия может быть взаимной:

“She did not like me and I did not like her” (Ernest Hemingway, 1987: 63).

Неприязнь, перемешанная со злостью, переходит в ненависть:

“I hate you,” she said. “She can't make me not hate you” (Ernest Hemingway, 1987: 177).

Необходимо отметить, что в романе «Прощай, оружие!» друзья противопоставляются врагам.

Автор использует выражение «неприятельская мина», чтобы передать неблагоприятное отношение солдат к врагу, для усиления эмоциональности:

“Fragments of enemy trench-mortar shell” (Ernest Hemingway, 1987: 45).

В следующем примере автор пишет, что повсюду «уши врага», имея в виду солдат вражеского войска:

“The enemy's ears are everywhere” (Ernest Hemingway, 1987: 66).

Люди на войне делят друг друга на «своих» (друзей) и «чужих» (врагов), общение с которыми приравнивается к предательству:

“I am an Italian. I will not communicate with the enemy” (Ernest Hemingway, 1987: 66).

Любое взаимодействие с врагом должно быть предотвращено всеми способами:

“All the advertisements were blacked out, supposedly to prevent communication in that way with the enemy” (Ernest Hemingway, 1987: 209).

Один из героев, вспоминая рассказы о войне, упоминает, что, попав в руки к врагу, нужно быть готовым к ужасным последствиям:

“That was one of those things you always heard in the war. It was one of the things the enemy always did to you” (Ernest Hemingway, 1987: 155).

Из проанализированных примеров следует, что отношение дружбы в романе противопоставляется состоянию войны, друг – врагу, а приятель – неприятелю.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что способы текстовой репрезентации концепта «Дружба» в произведении Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» весьма интересны и разнообразны.

Выводы по ГЛАВЕ II

В результате проведения практического исследования был сделан ряд выводов:

1. Концепт «Дружба» в английском языковом пространстве со временем претерпевал значительные изменения, отражая процессы, происходившие в социуме. Со временем утратился компонент единственности друга, так как друзей может быть много. Вместе с тем, концепт «Дружба» приобрел новые компоненты, такие как сторонник, человек, дающий деньги на благотворительность.

2. Актуальный слой концепта «Дружба» включает следующие компоненты:

- благородное и чистое чувство, характеризующееся постоянством;
- привязанность к какому-либо человеку, основанная на близком знакомстве с ним и оценке его положительных качеств;
- бескорыстная взаимная помощь;
- отношения между людьми, которые основаны на взаимной привязанности, уважении и доверии.

3. Лексема «дружба» имеет глубинную семантическую структуру. В единое целое друзей объединяет неписанный кодекс правил, среди которых основными являются: откровенность, сопереживание, искренность, бескорыстие, взаимопонимание, возможность рассчитывать на помощь в трудную минуту.

4. Прделанная практическая работа на материале романа Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» помогла нам приблизиться к авторскому пониманию дружбы, в которое входят следующие компоненты:

- схожесть в основополагающих нравственных позициях, интересах, иногда внешности, роде занятий, семейном и социальном положении;
- открытость и искренность;

- оберегание от опасностей и проблем;
- бескорыстная взаимная помощь в любом ее проявлении: советом, деньгами, делами;
- привязанность к какому-либо человеку, основанная на близком знакомстве с ним и оценке его положительных качеств;
- приятное общение, возможность хорошо провести время;
- любовь, интимные и доверительные отношения;
- отношения, которые имеют начало и развитие, могут прерваться и возобновиться вновь.

5. Главным компонентом понятия «Дружба» является лексема «друг», представленная в романе следующим образом:

- 1) Хотя друзей может быть несколько, лучший друг может быть лишь один;
- 2) Друзья – люди, которые приятны друг другу, с которыми нравится общаться и проводить время;
- 3) Друг – сочувствующий сторонник, дающий советы и иногда денег;
- 4) Друг – может быть близок как брат;
- 5) Друг противопоставляется врагу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретический анализ материалов исследования привел нас к выводу, что, несмотря на разнообразие определений понятия «концепт», в каждом из них подчеркивается актуальная для современной лингвистики идея комплексного изучения языка. Основными подходами к исследованию понятия «концепт» являются: когнитивный, культурологический и лингвистический.

В данной работе «концепт» понимается и рассматривается в рамках лингвокультурологического направления как сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее.

Совокупность потенциалов, открываемых в словарном запасе как отдельного человека, так и всего языка в целом, можно назвать концептосферами. Национальная концептосфера складывается из совокупности индивидуальных, групповых, классовых, национальных и универсальных концептов.

Придерживаясь полевой модели, структуру концепта можно описать, используя термины «ядро» и «периферия». К ядру относятся слои, которые обладают наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, т.е. первичные яркие образы, а периферию концепта составляют более абстрактные признаки.

В рамках концептосферы английского языка был изучен феномен дружбы. Анализ лексикографических источников позволил выявить понятия, стоящие за лексемой «дружба». Друзья честны и искренны друг с другом, они делятся своими секретами, всегда радуются встрече и открыты для общения, а в случае необходимости свободно высказывают свои возражения и предостережения.

Практическое исследование проводилось на материале романа Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!», в ходе которого из оригинального текста методом сплошной выборки выделялись и анализировались контексты, в которых употреблялся концепт «Дружба» в различных синтаксических и семантических ролях. Анализ каждой позиции позволил смоделировать индивидуально-авторские представления, которые стоят за текстовой репрезентацией концепта «Дружба»:

- отношения, построенные на сходстве мировоззрения, ценностей, взглядов;
- открытость, возможность быть искренним;
- чувство родства, братство;
- способность оказать поддержку;
- готовность прийти на помощь;
- любовь, привязанность, симпатия;
- общение с приятным человеком.

В исследуемых произведениях произведении в целом насчитывается около 118 лексических единиц, входящих в рассматриваемое понятийное поле.

Анализ синтаксических особенностей понятийного поля концепта «Дружба» позволяет отметить наличие различных частей речи в его составе:

- Существительных (friend, fellow, brothers);
- Глаголов (to become friends; to accept a status of a friend; to be considered as a friend);
- Прилагательных (best, good, great, dear, lovely, old, nice, kind, sweet, fine);
- Наречий (например, friendly, lovely).

Ядром данного концептуального поля является существительное «друг» (friend). Необходимо отметить, что среди всего лексем данного поля имеются как максимально приближенные к центру (ядру), так и достаточно удаленные, находящиеся на периферии данного понятийного поля единицы.

Позитивное ядро концепта «Дружба» в романе «Прощай Оружие!» составляют ассоциаты: любовь (love), помощь (help), вместе (together), веселье (fun), счастливый (happy), общение (talking), хороший (good), (nice), добрый (kind), (fine), милый, приятный (sweet).

Негативная сторона концепта «Дружба» в произведении представлена в виде лексем одинокий (lonely), пустой (empty), (hollow), испуганный (scared), ненависть (hate), и враг (enemy).

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о глубинной семантической структуре концепта «Дружба» в английском коммуникативном пространстве. Кроме того, нам удалось раскрыть индивидуальные авторские представления, стоящие за понятием «Дружба» в романе «Прощай, оружие!», что привело нас к более точному пониманию произведения. Результаты данного исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения концепта «Дружба» в английском языковом пространстве в рамках лингвистики художественного текста и дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003. – 245 с.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 2009. – С. 7-13.
3. Арапова О.А. Концепт «Дружба»: системный и функционально-когнитивный анализ: дисс. к.ф.н.: 10.02.01– М.: РГБ, 2005. – 112 с.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. – 378 с.
5. Арутюнова Н. Д. Лингвистика текста / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002. – 689 с.
6. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
7. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико–фразеологической семантике языка. Воронеж: ВГУ, 2006. – 312 с.
8. Бабушкин А.П. Типы языковых знаков в семиотическом аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. - № 2. – С. 5-13.
9. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: ТГУ, 2002. – 82 с.
10. Болдырёв Н. Н. Когнитивная лингвистика: Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырёв. – Тамбов: Изд.-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. – 123 с.
11. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков: [сб. науч. работ] / ред.: Т. В. Булыгина, пер.: А. Д. Шмелев, А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 791с.
12. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. – М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2007. – 236 с.

13. Воркачев С. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гносис. 2001. – 352 с.
14. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. 2004. – № 6. – С. 47–58.
15. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 2004. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infolex.ru/Cogni.html> (дата обращения: 10.02.2017).
16. Евтушенко О.В. О перспективах изучения структуры концептов // Вопросы когнитивной лингвистики: Научно-теоретический журнал. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – № 1. – С. 35–43.
17. Залевская А.А. Психологический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. – 232 с.
18. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Методы изучения литературы // Системный подход. Флинта: Наука, 2004 – 202 с.
19. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3–16.
20. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2005. – 390 с.
21. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. – СПб.: Златоуст, 2002. – 412 с.
22. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: Златоуст, 2007. – 444 с.
23. Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): дис. на соиск. уч. степ. д-ра филол. наук: 10.02.04. – Санкт-Петербург: СПбГУЭФ, 2010. – 361 с.

24. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 1. 2004. – № 1. – С. 6-17.

25. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 43-47.

26. Лаврентьева Л.Р. Концепт «верность» в языке англосаксонской поэзии

VII–XII веков (лингво-этнический аспект): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04. – Владивосток, 2006. – 65 с.

27. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 2003. – Т. 52. Вып. 1. № 1. – С. 3-9.

28. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – Наука, 2001. – 293 с.

29. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: 2004. – №1. – С. 53 – 64.

30. Пименова М. В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М. В. Пименовой. Вып. 4. – Кемерово, 2004. – 342 с.

31. Попова З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. 1996, – № 2. – С. 64-68.

32. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. – 116 с.

33. Попова З.Д. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка: Коллективная монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Кемерово: Графика, 2003. – С. 6–17.

34. Попова З.Д., Стернин И.А. Языковое сознание и другие виды сознания // Язык. История. Культура. Кемерово: Графика, 2004. – С. 17–21.

35. Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2007. – Т.1. – С. 74-82.
36. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. – 32 с.
37. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2003. – 382 с.
38. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1998. – С. 173–204.
39. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 412 с.
40. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы / Н. Ю. Шведова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 639 с.
41. Talmy L. Toward A. Cognitive Semantics // Vol. 2: Typology and Process in Concept Structuring. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – 495 p.
42. Van Dijk T.A. Discourse semantics and ideology // Discourse & Society, vol. 6 (2), 1995. – P. 243-289.
43. Cruse D.A. Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 424 p.
44. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages. – Cambridge, 2004. – 205 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
2. Agnes Michael. Webster's New World Dictionary of the American Languages / Michael Agnes [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 09.03.2017).
3. Cambridge Advanced Learner's Dictionary, 2003. – 789 p.
4. Eysenck M. W. The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / M. W. Eysenck. – Cambridge, Massachusetts 02142, USA, 1994. – 390 p.
5. Oxford Dictionary of English. – 2 nd. ed. / ed. by Catherine Soanes, Angus Stevenson. – Oxford: Oxford univ. press, 2003. – 1345 p.
6. Lutz William D. The Cambridge Thesaurus of American English / William D. Lutz. – Cambridge University Press, 2004. – 526 p.
7. Longman Dictionary of English Language and Culture, 1995. – 845 p.
8. Longman Dictionary of English Language and Culture, 2010. – 182 p.
9. Neufeldt Victoria. Webster's New World College Dictionary / Victoria Neufeldt, David Bernard Guralnik. – Macmillan, 2003. – 1588 p.
10. Roget's 21st Century Thesaurus [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.thesaurus.com> (дата обращения: 12.04.2017).
11. Skeat Walter W. Concise Etymological Dictionary of English Language / Walter W. Skeat. – Oxford: Clarendon Press, 2001. – 674 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Ernest Hemingway. A Farewell to Arms [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.e-reading.org.ua/download.php?book=80121> (дата обращения: 24.04.2017).